

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ

Материалы международной
научно-теоретической конференции

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И
ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ»,

посвященной 80-летию академика
Багизбаевой Май Михайловны

(Четвертые Багизбаевские чтения)

Алматы
«Казак, университет!»
2012

индоевропейской культурой очевидна, по-другому должен рассматриваться вопрос о культурных, языковых и других заимствованиях.

Итак, народная сказка - это способ хранения и передачи знаний о мире, передачи через текст, первоначально устный, а благодаря трудолюбивым собирателям сказки зафиксированный в письменном виде. Остаётся открытым методический вопрос - как работать с такими текстами? Как отыскать и извлечь из них добытые человеком знания? Ведь перед нами не обычные тексты, а тексты, содержащие скрытые истины, которые древние люди не могли выразить мыслью-словом, а выражали через образы. Сказка, как и всякое мифологическое повествование, облечена в символическую форму. Читателю предстоит "распаковать", расшифровать, развернуть в пространстве те смыслы, которые заключены в символе.

Основная масса людей воспринимает мифологическое повествование буквально, значительно меньшая - иносказательно (символически) и только совсем немногие понимают их истинный смысл. Мифологическая истина заключена в мифологических образах, глубокий смысл которых понимается лишь немногими посвященными.

Немного сложно и выводит на уровень мистики, за пределы сознательного. Практически значимым в этой теории для нас является вывод о том, что мифологический (сказочный) текст требует особого типа работы с ним, что тайна, заключённая в нем, раскроется тем, кто не отмахнётся от кажущейся простоты текста, а, перечитав его несколько раз, начнёт открывать для себя его скрытые смыслы, а ещё лучше - постарается расшифровать образы с помощью материалов этнографии. Наверное, постичь все глубины смысла, открытые в прошлом лишь жрецам - хранителям древних культов, не удастся, но войти в мир этих образов очень заманчиво и полезно.

Вот пример. «Курочка Ряба» - это сказка о подарке судьбы и о том, что делают с ним неподготовленные люди; о стереотипах человеческого поведения (если яйцо, то по нему нужно бить); о случайностях, которые случаются закономерно; о любви к ближнему (не плачь, Дед); о разбившейся мечте или надежде. И вот самое интересное: сказка учит содержать свой дом в чистоте, не доводить до появления мышей (в этом случае есть надежда, что золотое яичко не будет разбитым); не дарить ближнему того, что он не готов получить...

Впрочем, любые размышления полезны. Важно, чтобы сказочная история перестала быть только развлечением, а стала источником размышлений над своей жизнью, толчком к самопознанию. Например, если призыв содержать свой дом в чистоте прочитать как образ, то смысл такого толкования становится иным: не засоряйте душу и тело, не позволяйте грязным мыслям - мышам хозяйничать в доме вашего духа...

Более глубокое и, вероятно, более достоверное прочтение сказки возможно после работы с этнографическими, историческими материалами, сравнения вариантов одного сюжета.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УРОВНИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.М. ПРИШВИНА

Джапамова Ж.Б.

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Казахстан, Алматы*

М.М.Пришвин один из первых в литературе XX века серьезно заявил об объективной значимости природы, но это не только не мешает авторской устремленности к душе человека, но, напротив, служит необходимой к тому предпосылкой. Повествование в его произведениях строится таким образом, что из него закономерно вытекает, по заключению самого писателя, «самый большой вывод, самый большой образ - это мир как Целое, и смысл весь в отношении к этому Целому». Эта основополагающая мысль эстетики Пришвина богата самыми разнообразными оттенками, наполняет различные характеры и жизненные обстоятельства.

Целый ряд исследовательских работ осуществляет обогащенные новым знанием подходы к творчеству М.М.Пришвина: в культурологическом контексте мирового и русского художественного опытов, на уровне мифопоэтического мировосприятия и фольклора, в сфере евразийской философии и эстетики, в этногенетической и космической проекциях. Тем самым объективными условиями создана ответственная *необходимость научной дифференциации* накопленного исследовательского потенциала в соотнесении с выдвинутой темой (здесь и далее курсив автора статьи).

Особо значимы страницы творческой биографии М.М.Пришвина, отражающие его пребывание в 1909 году в Казахстане. Не только конкретные произведения: «Адам и Ева», «Черный

араб», «Архары», «Соленое озеро», - но и не утратившие, а напротив, в период возрождения пристального, многоаспектного внимания в казахском обществе к истории, генетическим корням наши вызывающие обостренный интерес писательские дневники. И сам М.М.Пришвин, и его биографы свидетельствуют неоднократно, что именно путешествие из Павлодара в Каркаралинск завершило создание *индивидуального писательского почерка*, способствовало воплощению в книгах *самобытной концепции Востока*..

Метод письма, обретенный в результате непосредственного общения с реалиями казахской природы, эпоса и фольклора, истории и быта, впервые претворенный писателем в «Черном арабе», служил добрую службу в продолжении всей его творческой жизни: в лирической повести или, по жанровому определению самого автора, поэме «Жень-Шень», а также в сказке-были «Кладовая солнца», повести-сказке «Корабельная чаша», в романе-сказке «Осударева дорога»... М.М.Пришвин осознавал свой метод как *круговое воплощение темы*, исходящее из ее фокуса, центра. И в этой связи уместно подчеркнуть неоднократно варьируемую в дневниках тему о «неразбиваемом единстве» его книг.

Интерпретация текстов М.М. Пришвина выявляет сложный процесс художественного воплощения реального наблюдения, порой научного факта: едва уловимый путь от видимого к невидимому, в процессе которого реальность становится образом-символом. Ценный материал для подобных наблюдений дает сравнительная интерпретация дневников писателя и его художественных произведений. Исходя из реальности современной духовной проблематики, можно утверждать, что творческий опыт писателя - может представлять интерес для любого национального сознания.

С творчеством М.М. Пришвина многие годы связывались определения «певца природы», этнографа, автора книг для детей. Подобные характеристики не охватывают в целом философский потенциал творчества писателя. Творческая судьба Пришвина после 1917 года может казаться благополучной лишь неискушенному читателю. Достаточно вспомнить судьбу целого ряда его книг, до последнего времени или не публиковавшихся вовсе с клеймом «контрреволюционных» («Мирская чаша»), или не переиздававшихся после единственной публикации по той же причине («Халамеева ночь»), или увидевших свет в редакции, мало общего имеющей с авторской, что характерно для всех без исключения произведений Пришвина.

По сути читатели познавали творчество М.М. Пришвина не по авторским текстам, а по правленным различными редакциями, с множеством купюр, вариантам. В первую очередь по этой причине возникали в связи с осознанием и оценкой творчества писателя серьезные недоразумения и ошибки. С одной стороны, различного рода стереотипы: «певец природы», «замкнутый эстетизм», «уход от общественной борьбы», с другой - упреки в конъюнктуре и конформизме, более того - в бесчеловечности и эгоизме.

Лишь в восьмидесятые годы стало возможным издание 8-ми томного собрания сочинений писателя, представившего тексты произведений без «поправок оглядчивого времени и многоопытных редакторов» [1]. Опубликованы и «контрреволюционная» «Мирская чаша», и дневники писателя, поставленные критикой по рейтингу глубины и значимости рядом с «Архипелагом Гулаг» А. Солженицына. Но, думается, следует согласиться с мнением исследователя: «И все-таки загадка пришивинской полноты и вновь остро переживаемой цельности не в самой по себе новизне и обогащенности издания (новые и исправленные тексты только подчеркнули очевидность загадки). Ответ, вероятно, надо искать во времени или в параллелях времен, которые обычно неожиданно освещают друг друга» [2]. Независимо от отдельных мнений и оценок, порой в отношении к Пришвину резко противоположных, не вызывает сомнения актуальность *лингвоститутологического прочтения* произведений М.М. Пришвина в аспекте сравнения оригинальных текстов и редакторских версий. *Текстологический метод исследования* актуализируется и наличием нескольких авторских редакций одного произведения, к примеру трех редакций «Черного араба». [3, 103-110).

Наличие различных редакций и вариантов дает возможность осуществить *эксперимент текстологического истолкования* конкретных произведений. До последнего времени такую возможность мог предоставить лишь архив писателя: личный, долгие годы бывший в распоряжении его вдовы В.Д.Пришивиной, и государственный - после ее кончины. Публикация в авторском оригинале повестей «Черный араб», «Жень-Шень», «Кладовая солнца», «Корабельная чаша», романов «Кашеева цепь» и «Осударева дорога», четырехтомного собрания дневников... - предрасполагает к исследованию поэтики М.М.Пришвина на новом качественном уровне.

Наконец, не освоен до сего времени аксиологический уровень восприятия произведений М.М.Пришвина, который обусловлен их интертекстуальными связями. При этом следует

подчеркнуть особо, что востребованию подлежит та здоровая сфера *интертекстуальности как метода*, которая прогнозирует общие для нескольких писателей контексты: социо-культурный, (авто)биографический, а также «глубинный мифологический или психологический архетип», который реализован в конкретном произведении [4,8]. Отмеченный архетип проявляем, в частности на уровне внешней композиции: в заглавиях и эпитафиях. Как известно, И.А.Бунину принадлежит «Чаша жизни», М.М. Пришвину - «Мирская чаша», И.С. Шмелеву - «Неупиваемая чаша»... Символ чаши в прозе целого ряда русских писателей пробуждает к жизни именно глубинный пласт мифоритуального сознания.

Толкование произведений на подобном аксиологическом уровне уточняет *интексты, прецедентные* не только в творчестве М.М.Пришвина. Подтверждением чему могут послужить выявляемые связи с двумя его младшими современниками: А.Платоновым и М.Булгаковым. Намечаемая тема побуждает к целенаправленному изучению, прежде всего, дневников писателя.

Дневники М.М.Пришвина, которые писатель вел в течение всей сознательной творческой жизни, - многофункциональны в своем философско-художественном претворении. Они, в первую очередь, лаборатория творческих замыслов, от первого проклюнувшегося зародыша - до «Корабельной чаши». И «тот влиятельный современный контекст», исторический и социокультурный, вне которого литература теряет свой главный смысл. Пришвинские дневники - это и своего рода «энциклопедия русской жизни» XX века, трагической и многострадальной. Наконец дневниковые записи составили содержание нескольких художественных книг с четко фокусируемой жанровой поэтикой.

Неисчерпаемый духовный потенциал чувств переживаний скрепляет целостное движение писательской мысли, в которой прослеживаются ведущие темы. Так, размышления о *культурно-коммуникативной роли* литературы озвучены наиболее последовательно именно в дневниках. Они, в свою очередь, рожают самобытное *интертекстуальное* поле в творчестве М.М.Пришвина.

Дневники, таким образом, демонстрируют необходимый для интерпретации конкретного произведения «весь (авто) биографический текст жизни и творчества автора, особой редакцией которого можно полагать рассматриваемый литературный текст». [4,8]. В создании этого единого *авторского текста* плодотворна роль выше обозначенных «прецедентных» мотивов и образов, то есть наиболее продуктивно повторяемых в отечественной и мировой культуре. Пришвинская мысль осмысляет традицию А.Пушкина и Н.Гоголя, Л.Толстого и Ф.Достоевского, из зарубежных авторов: В.Шекспира и М.Сервантеса, И.Гете и Г.Ибсена...

В произведениях Пришвина извлекаемы устойчивые интексты объединяющие писателя с культурой прошлого, настоящего и будущего. Ибо в них претворен «тот *глубинный* (мифологический или психологический) *архетип*, который реализован в произведении, возможно, с *новаторскими вариациями*». Так пушкинская тема «бедного Евгения» одухотворяет психологический архетип, претворяемый в повествовании М.Пришвина, А.Платонова. Оба писателя пронесли эту тему через все творчество как крест, уготованный им судьбой, особенно тяжелый в годы исторических испытаний. Запись в пришвинском дневнике 1922 года: «В лучшем случае, если даже мне удастся совершенно очистить свою душу от эгоизма, у меня останется одна тема: Евгений из «Медного всадника» 11, 141].

Пришвин ищет возможные пути согласия судьбы частного человека, отдельной личности и государственных интересов. Писатель приходит к заключению о том, что причиняющий ему страдания трагизм судьбы Евгения в общечеловеческом звучании разрешен Пушкиным в «Капитанской дочке».

Движение его творческой мысли проясняется в истории эпитафия к предпоследней главе романа-сказки «Осударева дорога». Поначалу в роли эпитафия выступает интекст «Ужо тебе, Строитель!» Его интонационно-семантическое содержание не оставляет сомнений в возможности однозначного толкования: автор не может просить жертвы личностью ради каких бы то ни было высоких целей. Однако окончательный вариант переводит решение этой наиглавнейшей для русской культуры темы в иное русло, которое не подлежит окончательному и единственному ограничению смысла. Все публикации романа сопровождаются эпитафиями-интекстами из «Медного всадника» Пушкина: «Да умирится же с тобой/ И побежденная стихия» [т.6, 205].

Смена настроений писателя в самом главном своем источнике получает объяснение в примечаниях к одной из последних публикаций. Не имея возможности, в условиях социально-культурного контекста времени (конец 70-х г.) прокомментировать в целостности мучительный путь раздумий писателя, В.Д.Пришвина цитирует дневниковую запись автора «Осударевой дороги». Запись сделана в 1948 году:... «Если только выйдет из этой работы книга, остающаяся надолго, как

остался мой «Колобок» или «Жень-Шень», что я завещаю в посмертное издание к «Осударевой дороге»: «Аще сниду во ад - и Ты тамо еси» [т.6, 422]. Интекст из Библии, включаемый в замысел романа, создавал обширное информационно-культурное поле, к возможностям которого комментарии излишни. Это особая тема.

Характерны в статье А.Платонова «Пушкин - наш товарищ», в которой из всего громадного пушкинского наследия сфокусирована проблематика именно «Медного всадника», попытки диалогически разрешить «спор» Евгения с Петром I. «Истинное решение темы: объединить Петра и Евгения - они одно»[5]. Ход рассуждений автора «Епифанских шлюзов» закономерно воспринимать в ключе пришвинских мыслей, подтверждений тому немало. А.Платонов рискует противопоставить достоинство частного человека праву государственного человека, т.е. власти. Рискует, потому что в условиях 30-х годов, когда, по Маяковскому, «единица - ноль/единица - вздор», - эта тема была не только сомнительной, но чрезмерно опасной. И все-таки писатель сделал свой выбор: «Евгений тоже ведь «строитель чудотворный», - правда, в области, доступной каждому бедняку, но недоступной сверхчеловеку: *в любви к другому человеку*» [5, 196].

Пришвин находит более сложный, чем прямой выбор, выход из причиняющего ему страдание тупика: как мог Пушкин заступаясь за Евгения, возвеличивать Петра? По его мысли, трагизм судьбы «бедного Евгения» - в ее общечеловеческом звучании - разрешен поэтом в «Капитанской дочке». И подключается к диалогу М.Пришвина и А.Платонова голос еще одного русского писателя. Как известно, М.Булгаков в качестве одного из эпитафий поместил в «Белой гвардии» также весьма прецедентный в русской литературе текст из «Капитанской дочки». Более того, пушкинская повесть стала деятельным структурным компонентом предметного мира в повествовании. Эта тема в творчестве Булгакова представляется достаточно изученной, что подтверждается уже исследованием И.Ф.Бэлзы «К вопросу о пушкинских традициях в отечественной литературе (на примере произведений М.А.Булгакова» [6, 191-243]. М.Булгаков в «Белой гвардии» творчески претворяет конечный итог пришвинских мыслей об особенной роли в русской литературе той «психологической точки зрения», которую выражает повествователь в «Капитанской дочке».

И чрезвычайно примечательно, каким образом страницы «Белой гвардии» повлияли на творческое сознание современного автора. Героем стихотворения Н.Ушакова «Взрыв на Зверинце» стал Евгений (пришедший из «Медного Всадника»), который обезумел после того, как узнал «милый дом», где погибла его возлюбленная...» [6, 197].

Таким образом, выявляется не только прецедентность пушкинского текста в русской культуре XX века, но прецедентность контекстуального его решения. Творческое наследие М.М.Пришвина, как убеждает герменевтическое его освоение, богато тем аксиологическим содержанием, которое возможно прояснить лишь в целостности различных интерпретационных подходов.

Литература

1. Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8-ми томах, М.: Художественная литература, **1982-1986** гг. В тексте статьи указаны том и страница.
2. Курбатов В. Неоскорбленный человек. Литературная газета, **25** ноября, **1987**, №48.
3. Дворцова Н.П. Три редакции «Черного араба» М.Пришвина. Проблема целостности и идентичности произведения //Творчество М.М.Пришвина. Исследования и материалы. - Воронеж, **1986**.
4. Жолковский А.К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. - М.: Сов.писатель, **1992**.
5. Платонов А. Пушкин - наш товарищ //Размышления читателя. - М.: Современник, **1980**.
6. Контекст **80**. - М.: Наука, **1981**.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КАЗАХСКИЙ КОЛОРИТ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Джолдасбекова Б. У.
доктор филологических наук, профессор
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Казахстан, Алматы

М.М.Бахтин в «Эстетике словесного творчества» четко определил место инационального писателя в литературном процессе того или иного народа «Существует очень живучее, но одностороннее и потому неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо бы переселиться в нее и забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абишева У.К.</i> Дело всей жизни (к 80-летию М.М. Багизбаевой).....	3
--	---

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Абишева У.К.</i> Феномен национального в литературе как теоретическая проблема	7
<i>Ананьева С.В.</i> Имагологический дискурс в творчестве Виктории Кинг	10
<i>Базылова Б.К.</i> Функция портрета в создании художественного образа	15
<i>BeuhanAsma, Anton</i> (^ehov ve cocuk'abakişi.....	19
<i>BeuhanAsma, Iki Şehirikiyazar: petersburgvefyodordostoyevsky - istanbulveorhanpamuk....</i>	22
<i>BeuhanAsma, Tiirkverusedebiyatında "Dag".....</i>	24
<i>Бабаева Д.</i> Поэтические особенности поэзии Гаджи Алиш Аги.....	27
<i>Беликова л. Г.</i> Русь в русских народных сказках	29
<i>Джаламова Ж.Б.</i> Аксиологические уровни интерпретации произведений М.М. Пришвина	32
<i>Джолдасбекова Б. У.</i> Национальный казахский колорит в творчестве русских писателей	35
<i>Жаксылыков А.</i> Возвращаясь к Алдару-Косе.....	38
<i>Какильбаева Э.Т.</i> Лирика абая в контексте традиций русской литературы XIXвека	42
<i>Какишева Н. Т.</i> Особенности художественной структуры дилогии Д. Снегина «В городе Верном».....	45
<i>Какишева Н. Т.</i> Художественное своеобразие рассказа Д. Снегина «На исповеди»	47
<i>Когай Э.Р.</i> О взаимодействии изобразительно-выразительных средств языка в художественном тексте	51
<i>Ломова Е.А.</i> Русско-англо-американские литературные связи в период 1890-х- 1910-х годов	55
<i>Нусиное А.Ея</i> аузындагы Шыцгыс Хан.....	59
<i>Нурғали К.Р.</i> Критика и литературоведение на современном этапе	62
<i>Салханова Ж.Х.</i> Модификация жанра «айтыс» в поэме «Кактус» Олжаса Сулейменова	66
<i>Сарсекеева Н.К.</i> Парадигма «Человек у зеркала» в современной литературе Казахстана (методологические аспекты изучения)	69
<i>Шишков М.С.</i> Синкретичная поэзия Ильи Кабакова: размышления о «Пустоте», организующей текст	73
<i>Уюкбаева М.И.</i> Глубокая герменевтика	76

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА И ПЕРЕВОДА

<i>Абаева Ж.С.</i> Репрезентация языкового сознания общества в текстах масс-медиа	80
<i>Абилхасимова Б.Б.</i> Детерминологизация в современном газетном тексте	82
<i>Алтынбекова С.Б.</i> Языковая политика в Казахстане: владение языками основными по численности этносами	86
<i>Амирова Ж.Р.</i> Социолингвистические факторы субстантивации	91
<i>Ахметжанова А.М.</i> Лексические аспекты дипломатических отношений в центрально-азиатском регионе.....	95
<i>Баянбаева Ж.А.</i> Некоторые проблемы адекватности перевода	98
<i>Бердиллаева М.Б.В.В.</i> Радловтыц «Туркі тшдер сездлпн жасау тэжґрибесъ» сездтндеп архаизмдер мен тарихизмдер.....	100
<i>Бисенкулов А.А.</i> Художественный перевод в ракурсе казахско-арабских литературных связей	103
<i>Гайнуллина Н.И.</i> К вопросу о типологии эпитета с позиций диахронии в синхронии языка..	107
<i>Джорджевич В., Адамович М.</i> Фразеологизмы с соматизмом, означающие устойчивые отрицательные качества человека в русском и сербском языках	111
<i>Дятко Д.В.</i> Об основных тенденциях в развитии белорусской и украинской математической терминологии и терминографии	114
<i>Zhapparova A.</i> Bilingualism and diglossia	117